

И. С. ЛУКАШ

Федоров

Он воззвал громким голосом: Лазарь, иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком.

*Евангелие от Иоанна*¹

...Маленький худощавый старик. Он был удивительно бодр, зиму и лето ходил в стареньком пальтишке, кацавейке, и в калошах, обношенных до лохмотьев. Он был так согбен, точно стремился под сильным ветром вперед. Жилы вздувались буграми на его лысом лбу. На его бледном и тонком лице сияли лучистые глаза.

Это был библиотекарь Румянцевского музея в Москве, в прошлом народный учитель, сын крепостной крестьянки и князя Павла Гагарина. Он знал не только названия, а содержание всех книг Румянцевской библиотеки. В Москве он жил по углам у самых простых людей. От повышений по службе он отказывался и жалованье, меньше 400 рублей в год, раздавал музейным сторожам и беднякам. Спал на голых досках. Московский старик с лучистыми глазами, чудака или святой, умер в 1903 году, в госпитале.

Толстой, Достоевский и Владимир Соловьев называли его своим учителем.

Это был — Николай Федорович Федоров.

* * *

Фигура московского старика, в ветхой кацавейке, со страшной силой приближается к нам и возрастает в образ, огромный и неотразимый.

О Федорове есть уже много работ, и эта статья есть, собственно, отзыв на три новых работы о нем А. Остромирова, изданные в Харбине: биография Федорова и два выпуска: Федоров и современность². О Федорове начинают узнавать также иностранцы.

Единственный труд Федорова, написанный им случайно, урывками, по ночам, при керосиновой лампочке, «Философия общего дела», — так и не напечатанный при его жизни, — Владимир Соловьев назвал «*первым движением вперед человеческого духа по пути Христову*».

* * *

В основе федоровской идеи лежит толкование сложившейся веками человеческой картины миропредставления с его неминуемой гибелью, Страшным Судом.

Но вселенский Страшный Суд, — утверждает Федоров, — *условен, а не безусловен. Откровения могут и не исполниться*.

Апокалипсис — лишь угроза суда, которого может и не быть, так как Бог живых есть Бог всеобщего спасения, а не всеобщей гибели. Не во имя ли спасения и воскресения всего сущего отдал Бог самого Сына Божия?

В этом совершенно простом положении — основа Федоровского богословия: все сущее и человек созданы не для гибели и смерти, но для жизни и воскресения.

Угроза Страшного Суда осуществится и гибель совершится, если человечество не побороет властвующих над ним слепых стихийных сил тления и смерти, апокалипсического зверя.

Чтобы побороть власть Зверя, человечеству надобно совершенно овладеть всеми стихиями естества, научиться управлять ими вполне, стать выше их, — стать человечеством сверхъестественным, истинным господином и повелителем земли.

Заметим, кстати, что во многих эзотерических учениях стихии и силы природы и есть дьявол, сатана, князь тьмы.

В том же смысле, что Федоров, учил апостол Павел о победе над «князем мира, имущим державу смерти», над «князем власти воздушной»³.

Федоровым многое почерпнуто у апостола Павла, и федоровская идея является как бы продолжением апостольской проповеди.

«Доколе были в детстве, были поработаны вещным началам мира»⁴, — учит апостол Павел в Послании к коринфянам.

Цель человечества, продолжает вслед за апостолом Федоров, *есть овладение всеми вещными началами мира: не человек раб тленного естества, а тленное естество должно стать рабом человека. Полное покорение человечеством всей материи и энергии — вот цель человеческого бытия*.

* * *

Вслепую, ощупью, как бы по одному лишь чувствованию своего особого избрания, человечество и движется всегда к этой цели.

Это героическое и несчастное, залитое кровью, само себя истребляющее и снова возрождающееся, это необычайно злое и необычайно доброе, столько раз оклеветанное человечество, — всеми силами своего вдохновения, не считая никаких своих жертв, отчаянно борется всегда с «князем тьмы» за овладение землей. Федоров как бы только указывает на необходимость этой борьбы до совершенной победы, так как только в этой борьбе и победе — в этом Общем Деле сынов человеческих — и раскрывается весь потрясающий смысл человеческой мистерии.

Истребление смерти — вот в чем смысл страшного человеческого движения и борьбы. Победа над смертью — вот смысл нашего бытия.

Нет смерти безусловной, неминуемой, учит Федоров, — хотя она и действует в такой видимости. Смерть лишь явление власти природы над нами, власти вечных начал.

Для Федорова, как и для апостола Павла, — «если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес» (первое послание к коринфянам) и «как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых» (там же). Как и апостол Павел, Федоров ждет тех времен земных — человеческих, — здесь, в этом мире, — «когда последний враг истребится — смерть»⁵.

Истребление смерти через совершенное овладение и управление естеством, со всеми его силами и энергией, — *регуляция мира* — вот в чем заключается общий смысл и общая цель.

* * *

Многие ученые едва не превратили христианство в бездейственно-созерцательную стихию. Христианство как бы ушло от живой земли и живой жизни и мыслилось как будто лишь спасение отдельных особей, святых самостей, а не *преображение самой жизни, всей жизни*, а не спасение всего человечества — Тела Христова, — и спасение здесь и в духе и в плоти.

Все земное неотрывно от небесного, учит Федоров, хотя бы уже потому, что и земля есть небесное тело, движущееся во вселенной, как некий небесный корабль.

И этот мир дан нам не на поглядение со стороны, а для действия в нем. Человек всегда считал возможным действовать на мир, изменять его. Загадка о человеческом бытии и смерти может быть разрешена лишь действием. *Мир не может быть объяснен одним созерцанием, а раскрывается он только от действия на него*.

Отпадение «мысли» от «дела», разрыв «неба» и «земли», «духа» и «плоти» — эта двойственность есть, согласно Федорову, первородный грех сознания, неискупленный нами и доселе.

Искушение человечества, истинное облечение его в Воскрешенного, начнется только тогда, когда единое человеческое опытное познание станет неотделимым от единого действия для победы над последней властью вещных начал — смертью.

Осуществление всеми такой цели — учит Федоров — должно преобразить общественную жизнь в общественное литургическое служение, *в путь к действительному свершению человечеством литургического таинства пресуществления*, претворения вещественного в невещественное, для общего воскресения всего сущего.

Не разрыв из-за смерти «отцов и детей», так же как не разрыв «неба и земли», «духа и плоти», «живых и мертвых», а постоянно действующее сознание единства «живых и мертвых», несмотря на временный разрыв с ними из-за смерти, — постоянное пребывание в лоне, в духе Отчем, это, по учению Федорова, есть уже первый шаг к новому *литургическому обществу* и к общему воскресительному делу.

* * *

Нельзя не заметить удивительной близости Николая Федорова к последнему до русской катастрофы святому нашему Серафиму Саровскому.

Оба они — люди среднего слоя России, в котором к началу 19-го века, после всех страшных бурь и разгрома, начетческого раскола, Петра, духовного распада высших слоев, стало слагаться новое православие⁶.

Сын Курского купца Прохор Мошнин, преобразившийся в преподобного Серафима, также учил о воздействии на мир, как и сын крепостной крестьянки и барина Николай Федоров.

Не созерцательный отказ от мира сего, вне-мирность, но дело в *мире*, но страшное общее усилие всех для изменения лика мира, разумного управления миром, действительного осуществления всеми Голгофского чуда и завета воскресения, добыча Царства Божия в непрекращаемых боях с Князем вечною Тьмы — вот в чем православие Серафима Саровского и Николая Федорова.

* * *

Лев Толстой, одно время увлеченный федоровской идеей, еще в 80-х годах прошлого века, пробовал развивать его мысли в Психологическом Обществе в Москве, среди тогдашних ученых во главе с профессором Троицким.

Неудержимый смех всех присутствующих встретил повторенные Толстым федоровские мысли о том, что «царство знания и управ-

ления не ограничено землей» и что «воскрешение поколения людей могут расселяться и по мирам иным».

Многие, конечно, посмеются тому же и теперь...

И теперь Федоров — по-прежнему кажется безумен.

А бессмертие, вечная жизнь, к которой звал вместе со всеми религиями Федоров, кажется нам и теперь ужасающей вечной бессонницей, ужасающей и совершенно бездельной скукой. Что может быть нелепее и страшнее, чем, например, тысячекратнее дряхлое страшилище воскресшего Иоанна Грозного или многовековый Гришка Отрепьев, да и к чему им и всем нам воскресать?

Но такое представление о бессмертии, может быть, есть представление о нем наших теперешних тленных самостей, отдельностей, когда каждый представляет свое бесконечное существование именно в том виде, в каком оно было под властью вещных начал, в царстве тления и распада.

Федоров же учит о воскресении не нас, рабов тления, но преобразенных существ, нами еще не представляемых и воскресающих в неведомых еще для нас свойствах и сущностях плоти и духа, которые сам Федоров, по-видимому, склонен сблизать с некоторыми явлениями спектра.

Воскресение, по его учению, есть воскресение всего человечества как единого Тела Христова, а нас в нем лишь как Его элементов.

Потому-то Царствие Божие не бездельная скука и не вечная бессонница, но вечный труд, преоборение, даже и после победы над смертью, иных тайн, теперь еще не представляемых нами, — на нашем вечном движении за Воскрешим к полному познанию истины и полноты Божества.

Основа учения Федорова заключается, следовательно, в том, что воскресение не есть возвращение умерших к ничтожностям тленного бытия, не есть бесконечная и бездельная суэта все тех же никогда не умирающих Иван Иванычей или Марий Ивановн, а есть создание от наших общих усилий новых сынов человеческих, победивших смерть, *над-смертных существ*, может быть, именно тех, кого апостол Павел называл Сынами Дня и Сынами Света, то есть *переход всего человечества в новое иное высшее бытие*.

Несомненно для всех одно:

Воскресение Христово всегда стоит и всегда будет стоять против всей власти тьмы, стихий и явлений мира сего, против всей природы — совершенным и полным Противодействием.

Именно к такому же Христову *противодействию Воскресения* и призывает все человечество и каждого человека Федоров.

Федоров как бы повторяет всегда слова апостола Павла «мужайтесь и все испытывайте»⁷.

Для него, как и для апостола, смысл и цель всего бытия человеческого есть никогда не прекращаемая битва, брань, со всеми вещными началами («начальствами»), властями и стихиями мира, — то самое, о чем апостол Павел писал:

«Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мира правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной...»⁸

* * *

Идея Федорова — да еще в сжатом и грубом изложении — покажется, разумеется, одним до крайности спорной, а другим — просто «безумной». Но во всяком случае федоровская «Философия Общего Дела» есть одна из попыток отыскивания *новой ведущей идеи* человечества.

Так это или не так, каждый может судить лишь тогда, когда сам узнает Федорова и по-настоящему переживет его в себе.

